

ПОДРОБНОСТИ

Инна МИШИНА

«В КОНЦЕ 1921 ГОДА ПРИЕХАЛ БЕЗ ДЕНЕГ, БЕЗ ВЕЩЕЙ В МОСКВУ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ В НЕЙ НАВСЕГДА», — ПИСАЛ МИХАИЛ БУЛГАКОВ В АВТОБИОГРАФИИ 1924 ГОДА. В МОСКВУ ОН ПРИЕХАЛ, ЧТОБЫ НАЧАТЬ НОВУЮ ЖИЗНЬ — ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТОРА, ПИСАТЕЛЯ, — С КАВКАЗА, ПОСЛЕ НЕУДАВШИХСЯ ПОПЫТОК ЭМИГРАЦИИ. И СРАЗУ ОКАЗАЛСЯ В ОДНОЙ ИЗ ПЕРВЫХ РАБОЧИХ КОММУН МОСКВЫ.

Комнату в доме-коммуне, где Булгакову предстояло прожить три первых московских года, предоставил ему муж сестры Надежды, Андрей Михайлович Земский.

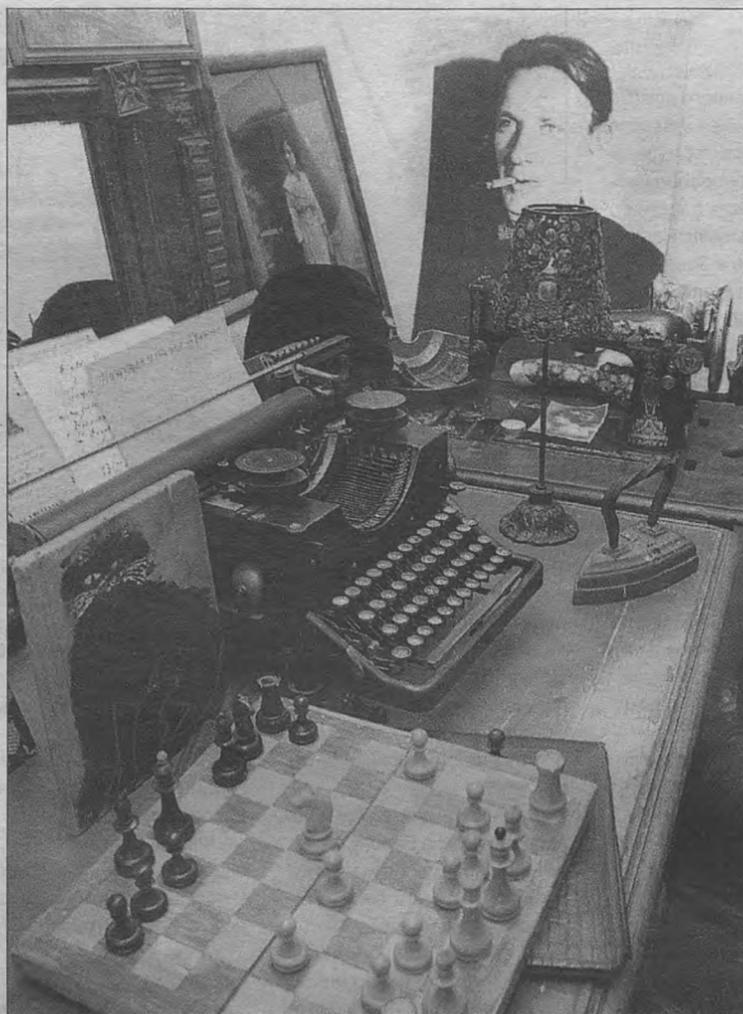
Атмосфера квартиры №50, в которой поселился Булгаков со своей женой Татьяной Николаевной, ярко передают ее воспоминания: «Рядом с нами жил хлебопек с хорошенькой женой Натальей. Там все время были драки. Она так кричала! А Михаил не мог слышать, когда бьют кого-нибудь...» Летом 1924 года Булгаков переехал в подъезд напротив, в гораздо более спокойную квартиру №34, а вскоре и вовсе покинул этот дом, оставив в нем свою первую жену. После этого в квартире №50 еще несколько десятилетий была коммуналка, а потом несколько лет — «Гипротехмонтаж». Тогда-то, в начале 80-х, и началось паломничество в этот подъезд поклонников Булгакова.

История квартиры №50 со времени вселения в нее Булгакова в основном известна.

Но что было в ней с момента постройки доходного дома табачного магната Пигита и до тех дней, когда в одной из комнат поселились родственники Булгакова?

Смотрим у тех, кто описывает дом №10 по Большой Садовой:

«...В этом доме на 5-м этаже располагались Высшие женские курсы, которыми заведовала М.Д. Земская, жена Б.М. Земского. Ей удалось выделить одну из комнат брату своего мужа А.М. Земскому» (Е.А. Земская. Булгаков и его родные. М., 2004).

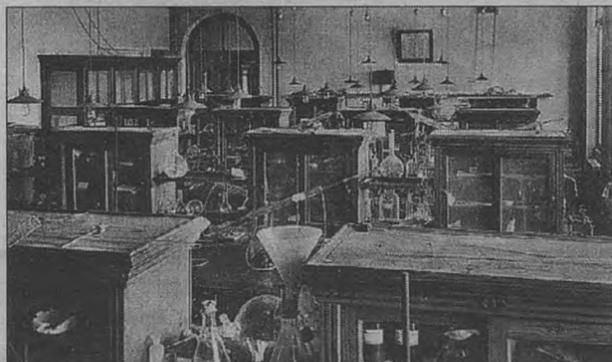
Музей Михаила Булгакова. Фрагмент экспозиции

Будни «нехорошей квартиры»

УЖЕ ПОЧТИ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ КВАРТИРА МИХАИЛА БУЛГАКОВА НА БОЛЬШОЙ САДОВОЙ — МЕСТО ПАЛОМНИЧЕСТВА ПОКЛОННИКОВ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

Фрагмент Художественного Института М. В. Ж. К.

Доходный дом табачного магната приютил Московские высшие женские курсы В.И. Герье

«...Раньше было общежитие Высших женских курсов, где училась сестра Булгакова Надежда. Заведовала общежитием Мария Даниловна Земская...» (Л. Паршин. Чертовщина в американском посольстве в Москве... М., 1991).

В то время существовало несколько Высших женских курсов. О которых же речь?

Сестра Булгакова Надежда «в 1917 году переехала в Москву, где закончила историко-филологический факультет Высших (Бестужевских) женских курсов» (Б. Мягков. Родословия Михаила Булгакова. М., 2001) Но Бестужевские курсы были в Санкт-Петербурге.

Опустим весь путь разысканий и познакомим читателей с их результатами, памятуя, что история «нехорошей квартиры» интересна всем, кто любит роман «Мастер и Маргарита».

В 1904 году был достроен и заселен последний корпус дома Пигита, и 1 октября того же года в знаменитом теперь 6-м подъезде открылось общежитие Московских высших женских курсов.

Располагалось оно в девяти квартирах на 2-м, 3-м и 4-м (последнем) этажах этого подъезда. Московские справочники, указывая адрес общежития, сообщали, что в нем «имеется 11 одиночных ком-

нат, 23 двойные и 2 комнаты, где может поместиться по три живущие. ...Живущая получает помещение с отоплением, освещением и прислугой, стол, состоящий из утреннего чая, завтрака, обеда и ужина; в общежитии имеются три приемные комнаты, ванны, рояль, телефон, небольшая библиотека научных пособий; при нем состоит врач». Заведующей общежитием в течение первых девяти лет была Л.В. Чоколова, а затем — Н.И. Иванова.

Это было общежитие старейших в России Высших женских курсов Владимира Ивановича Герье, открытым этим замечательным дея-

телем российского образования в 1872 году и просуществовавших с небольшим перерывом до 1918 года, после чего на их базе был создан так называемый 2-й МГУ (с 1930-го — Московский государственный педагогический институт, с 1990-го, разумеется, Педагогический университет).

Претендующие поступить на курсы должны были представить, кроме аттестата, разрешение от родителей или опекунов (для замужних — разрешение от мужа); четко и недвусмысленно в правилах поступления (в отличие от, скажем, второй половины 1940-х — первой половины 1980-х годов, когда примерно то же самое производилось тайно) сообщалось: «Лица иудейского исповедания могут быть принимаемы в количестве 3% по отношению к общему числу слушательниц»...

Если в первые десятилетия существования курсов свидетельство об успешном их окончании никаких прав выпускницам не предоставляло, то уже в «Уставе о Высших женских курсах» от 1906 года говорилось, что Московские высшие женские курсы «есть автономное учреждение, управляемое на основании Устава... коллективными органами управления — советом преподавателей, деканом и советом попечителей» и окончившим его «выдается свидетельство о прохождении курса равнозначительное с дипломами соответствующих факультетов университетов».

Итак, история мемориальной квартиры Булгакова прояснилась: с момента завершения строительства дома до 1918 года — это общежитие Московских высших женских курсов В.И. Герье, затем — рабочая коммуна. Возможно, Мария Даниловна Земская, тогда — работник народного образования, принимала участие в заселении освобожденных помещений общежития жильцами рабкоммун и смогла в одной из комнат прописать своего мужа и его брата с женой, уже служивших в то время в советских учреждениях. А с осени 1921 года и Булгаков с огромными усилиями, при помощи Н.К. Крупской, закрепил свое право на эту «жилплощадь».

Есть несколько десятков московских адресов — квартиры, в которых он жил или часто бывал у родных и знакомых. Так почему же именно в эту, нелюбимую, вселил он своих героев, дав в последнем романе абсолютно точный, узнаваемый адрес своего первого московского пристанища: Садовая, дом «покоем», 6-й подъезд, 5-й этаж (считая полуподвал первым этажом), квартира 50? Дал, понимая, наверно, что рано или поздно прославит ее таким выбором?

...Может быть, подобно тому, как матери более дорог ребенок, который ей тяжелее достался, принес больше беспокойства и мук, и Булгаков дорожил, оглядываясь назад, покинутой квартирой?

В ней — единственной — сосредоточилось многое. Боль и тяжесть его первых лет в Москве, когда он пролагал себе путь в литературу: «Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем» (дневник, 9 февраля 1922), «Как я существовал в течение времени с 1921 г. и по 1923-й, я Вам писать не стану. Во-первых, Вы не поверите...» («Тайному Другу», 1929). И — проложил, написав, помимо многого другого, свой любимый роман «Белая гвардия» — вопреки и в противовес всей жуткой атмосфере квартиры, где писать он мог только по ночам.

Потому, может быть, что ему, внуку двух православных священников, сыну профессора Духовной академии, жизнь в этой квартире представилась в какой-то момент адом на земле, он и поселил в ней его представителей — Волада со свитой?.. Неужели это и было то, что мы так долго и упорно строили, осуществленное в «одной, отдельно взятой» квартире-коммуне? Может быть, это и хотел сказать нам Булгаков, предостеречь нас?..

Михаил Афанасьевич отомстил своему покинутому дому, поселив туда «окаянную троицу», — но и прославил, закрепив за ним навсегда статус «нехорошей квартиры». А «проклятой» и «поганой» квартира слыла задолго до появления в ней нечистой силы. Сначала один ее жилец «ушел вместе с милиционером в белых перчатках»

и «вообще никогда не вернулся», за ним исчезли другие, а затем и сама хозяйка квартиры Анна Францевна... К концу 30-х годов XX столетия, в разгар работы над романом, вся страна Советов превратилась в одну большую «нехорошую квартиру», а найти «хорошую», из которой люди не могли бы пропасть, тогда не представлялось возможным. И сегодня «нехорошая квартира», навсегда вошедшая в литературу и историю России символом прошедшей эпохи, каждый день ожидает и приветствует верных читателей романа и его автора.